

Не успел Цун Ле угрожающе нахмуриться, как Лян Чао бросился между ними, торопливо сглаживая углы:

— Учителя, помилуйте, наше время почти вышло! Господин Юнь, на втором этаже полно закусовых, давайте перекусим хоть чем-нибудь, нельзя же морить себя голодом.

Ассистент всерьез опасался, что они сцепятся прямо здесь. С крутым нравом Цун Ле развернуться и уйти — пара пустяков.

Вмешательство Лян Чао помогло Юнь Цзи немного остыть. В конце концов, с этой съемки он тоже получит свою долю. А если Цун Ле сорвет контракт, выгоды не будет никому. Зачем попусту тратить нервы?

Рассудив так, он повернулся и пошел дальше. Лишь спустя пару мгновений за спиной раздались тяжелые, разболтанные шаги Цун Ле.

На втором этаже работало всего несколько заведений. Юнь Цзи без особых изысков взял на вынос порцию постных вонтонов в лавке рядом со студией — чисто перекусить. К счастью, Цун Ле больше не цеплялся.

В фотостудию они прибыли минут в минуту, точнехонько к назначенному времени.

Снимать Цун Ле — адское наказание, о котором среди фотографов ходили легенды. Всякую деятельность, кроме музыки, он считал бессмысленной помехой. Раньше, когда Юнь Цзи не таскал его за собой и не заставлял работать на публику, тот вообще забивал на промоушен.

Едва Цун Ле переступил порог, фотограф невольно выпрямила спину, ощутив давящую ауру.

Он вошел один. На нем была простая белая рубашка без украшений, рукава дважды подвернуты, обнажая крепкие, рельефные предплечья. Верхние пуговицы небрежно расстегнуты до самой груди, отчего от него веяло чистой, безудержной юношеской дерзостью — с первого взгляда можно было принять за какого-нибудь университетского краша. Однако каждое его движение, едва уловимые колебания воздуха вокруг несли в себе небрежную, хищную вальяжность.

Внешность Цун Ле была безупречна под любым углом. Резкие, пронзительные черты в сочетании с дерзкой, свободолюбивой аурой позволяли сделать кадр для обоев на телефон, даже если бы случайный прохожий снял его из-под надвинутой кепки.

Это лицо наверняка снилось тысячам фанаток. Среди них хватало умелиц видеомонтажа, выдавших тонны первоклассных нарезок. И если на обложке журнала появлялся хотя бы малейший изъян, публике даже в голову не приходило винить модель — доставалось только фотографу.

Вот только студийный портрет требовал эмоциональной отдачи, а с эмоциями Цун Ле делиться не любил. Поэтому, когда фотограф заметила плетущегося следом Юнь Цзи, она едва сдержала вздох облегчения.

И хотя она работала с Цун Ле впервые, о спутнике артиста была наслышана.

Узнать его не составляло труда. Причина проста: он был невероятно красив. В отличие от тяжелого впечатления, которое производил Цун Ле, при взгляде на Юнь Цзи первым делом в голове проносилось: «Какая красота». Чуть удлиненные каштановые кудри спускались к шее, а утонченные черты лица казались созданием искусного мастера. И даже нездоровая, болезненная бледность выбивала из колеи, заставляя сочувствовать ему вопреки воле.

Опустив голову, он шел вслед за Цун Ле, накинув поверх строгой тройки объемную куртку-пилот. В руках он держал нежно-голубую термосумку, будто принес с собой еду.

— Слушай, это и есть тот самый «папик», который за ним повсюду таскается? — возбужденно шепнула на ухо фотографу молоденькая ученица. — В жизни он еще красивее, чем на снимках. Он что, младше Цун Ле?

— На вид совсем мальчишка, — вполголоса ответила фотограф, пока группа заходила в гримерку. — Говорят, правда, денег у него на продюсирование больше нет. С Цун Ле они работают по дистрибуции — вроде как отвечает за продвижение альбомов. Вот он и таскается за ним на все ключевые съёмки.

— Серьезно? А это он кричал на всех углах, что обязательно уложит Цун Ле в постель, когда тот только засиял?

— А кто еще посмел бы?

— Н-да, старший молодой господин семьи Юнь... Дерзости не занимать, раз замахнулся на Цун Ле.

— Только говорят, его новая компания, «Безбрежное Море», едва держится на плаву. Да еще и отец его давит безжалостно. Не знаю, правда или нет, — фотограф слегка ужалила ученицу за щеку. — Лучше бы о композиции думала, чем сплетни собирать.

Девушка ойкнула, но не унялась:

— А если у «папика» гроша за душой не осталось, они все еще собираются жениться? В новостях же писали, будто он поругался с семьей Юнь именно из-за свадьбы!

— Ты первый день в шоу-бизнесе? — фотограф слегка щелкнула её по лбу. — Тебе самой дай волю, ты бы вышла за звезду?

Ученица схватилась за лоб и моментально прикусила язык.

В этот момент до фотографа донесся слабый кунжутный аромат. Обернувшись, она увидела Юнь Цзи, который сидел в глубине помещения и ел вонтоны.

Держа одноразовые палочки изящными белыми пальцами, он неторопливо вылавливал из бульона порцию за порцией. Было видно, что еда не лезет ему в горло: он долго и мучительно жевал каждый кусочек. Маленький вонтон размером с фалангу пальца он мусолил целую вечность.

Фотограф смутилась — а ну как он слышал их болтовню? Поколебавшись, она выудила из сумочки аккуратное пирожное и подошла к нему.

— Вонтоны тут так себе. Попробуйте лучше вот это, — она протянула угощение.

Юнь Цзи поднял на нее смутный, рассеянный взгляд — мысли его витали где-то далеко. Но тут же уголки его губ тронула мягкая улыбка:

— О, спасибо. Они и правда не ахти.

Заметив ямочки на его щеках, фотограф едва удержалась от желания прикоснуться к ним.

— Тяжелый сегодня день? Говорят, у господина Цун график расписан по минутам.

— Это ему тяжело, — тихо усмехнулся Юнь Цзи. Улыбка вышла одновременно теплой и отстраненной.

Он попытался надрезать зубчатый край упаковки, но пальцы, покрытые липким холодным потом, соскальзывали с гладкого пластика.

— Давайте помогу, — фотограф быстро надрвала пакетик и вернула сладость.

Юнь Цзи слегка смутился:

— Вот ведь позор, сил меньше, чем у такой красавицы.

— Да я каждый день эти обертки рву, привыкла, — просияла девушка, смущенная похвалой.

Сладость пирожного еще не успела раскрыться на языке, как над ухом раздался мрачный, ледяной голос Цун Ле:

— Вы долго еще намерены любезничать? Мы начинаем или как?

«И чего он сегодня с пол-оборота заводится?» — мельком подумал Юнь Цзи. Ему и самому хотелось поскорее покончить со съемкой и вернуться домой, чтобы изучить кейсы по дистрибуции. Запив суховатое пирожное глотком остывшего бульона, он поднялся:

— Начинаем.

— Сегодняшняя концепция тесно связана с музыкой, — фотограф деловито осмотрела образ Цун Ле и удовлетворенно кивнула. — Главная тема — «Один день с Цун Ле». Первый блок — «Утро».

Цун Ле остался в одних свободных светло-серых спортивных брюках. Изгиб от широких плеч к узкой талии был виден во всей своей хищной красе. Кубики пресса и сухие линии мышц проглядывали при каждом движении, вычерчивая мощный рельеф на коже оттенка мрамора. Волосы взъерошены с небрежной естественностью, будто он только что поднялся с постели.

— Господин Цун, представьте: утро, вы только что открыли глаза. Нужна небрежная вальяжность, легкий ленивый магнетизм, — фотограф подала знак ассистентам. — Свет мягче, акцент на профиль.

Скрестив руки на груди, Юнь Цзи со спокойной совестью разглядывал зрелище, которое прежде выпадало ему нечасто. В прошлой жизни он тоже присутствовал на этой съемке, но тогда Цун Ле наотрез отказался обнажать торс — для гордого музыканта это казалось дешевым угодничеством перед публикой. И даже когда они жили под одной крышей, Юнь Цзи не выпадало случая вот так, среди бела дня, любоваться его прессом. Разве что на мгновение перед тем, как погаснет свет, удавалось бросить украдкой пару взглядов.

Кто бы мог подумать, что мышцы, казавшиеся на ощупь литыми, со стороны выглядят такими рельефными и гибкими.

Хотя Цун Ле по какой-то причине согласился на полуобнаженный сет, его хмурое выражение лица тянуло скорее на холодную суровость, чем на утреннюю негу.

— Господин Цун, слишком строго! — фотограф постучала пальцем по веку. — Взгляд! Расслабьтесь. Вы только что проснулись, а не встали с левой ноги.

Народ в студии замер, сдерживая смешки, хотя от убойного взгляда Цун Ле у самой фотографии мурашки побежали по спине.

— Представьте, что вы проснулись рядом с любимым человеком, — не сдавалась она, пытаясь вытащить нужную эмоцию. — Вы не виделись целую вечность, и вам хочется спеть ему песню, которую вы только что сочинили.

Юнь Цзи мысленно вздохнул. Напрасный труд. У Цун Ле нет любимого человека. Ему незнакомо чувство долгожданной встречи, и уж тем более он не станет петь кому-то сразу после пробуждения.

Вспомнив про съеденное пирожное, Юнь Цзи пожалел девушку: жаль будет, если она не сделает ни одного годного кадра. Он подошел к Цун Ле и слегка взъерошил челку у него на лбу, прикрывая глаза.

— Свет режет? — тихо и быстро шепнул он. — Ни о чем не думай. Расслабь взгляд, не смотри прямо в объектив. Быстро отснимем и закончим.

Он знал, что с Цун Ле нужно говорить мягко, поглаживая против шерсти. Юнь Цзи просто хотел убраться отсюда поскорее.

Цун Ле, сидевший на высоком барном стуле, чуть приподнял голову, глядя на него снизу вверх сквозь упавшие пряди. Он толком не вслушивался в слова. От Юнь Цзи веяло едва уловимым, горьковатым ароматом трав — чувствовать его можно было, только стоя вплотную.

Когда тот поправлял ему волосы, прохладные пальцы мазнули по лбу — мягко, нежно, заставив сердце Цун Ле сладко замереть.

Глядя в эти опущенные глаза, похожие на лепестки персика, Цун Ле ощутил, как в груди поднимается странное, неописуемое чувство. Если и можно было подобрать ему название, то это была острая, почти болезненная нежность. Желание удержать.

Но Юнь Цзи уже отстранился.

— Да-да, именно так! — вскричала фотограф, судорожно щелкая затвором. — Господин Цун, держите этот взгляд! Свет, свет! Секунду... Есть! Идеально!

Поскольку помимо обложки требовалось отснять материал для внутренних полос, съёмка растянулась почти на четыре часа. А под конец добавление еще часа на дополнительные кадры и настройку света окончательно измотало всех.

Хотя Юнь Цзи почти не вмешивался в процесс, ограничиваясь лишь редкими подсказками, он пробыл в напряжении от начала до конца.

Он чутко ловил каждый ракурс. Других он мог не знать, но под каким углом Цун Ле выглядит наиболее эффектно, Юнь Цзи помнил назубок: чуть больше белка, голову выше, подтянуть линию подбородка... Стоило ему дать пару точечных указаний, и от снимков буквально веяло мощной мужской харизмой.

Вот только Цун Ле быстро терял терпение. Повторив одну и ту же позу дважды, он начинал

откровенно раздражаться. В какой-то момент он и вовсе схватил гитару, заперся на балконе и принялся набрасывать мелодию, наплевав на мечущуюся в панике съемочную группу. И пока он не записал все возникшие в голове ходы, работа стояла.

К моменту вспышки последнего кадра Юнь Цзи казалось, что его кости разваливаются. Внутри все горело: съеденное днем пирожное легло в желудке тяжелым, холодным булыжником.

Вокруг шумели люди, обмениваясь визитками и дежурными любезностями.

Юнь Цзи забился в самый дальний угол, где было потише. В голове гудело. Стоило усталости навалиться, как мысли вышли из-под контроля.

Он вспомнил их первую годовщину свадьбы. У Цун Ле в тот день был грандиозный сольный концерт. Лян Чао проболтался, что всю программу артист составлял лично, и Юнь Цзи по наивности решил, будто это подарок для него. До последней минуты он верил, что отсутствие билета — просто элемент сюрприза.

Чем чаще он об этом думал, тем сильнее поражался собственному идиотизму.

Тогда он приехал к стадиону за час до начала, но так и не смог дозвониться ни до Цун Ле, ни до Лян Чао. Охрана стояла насмерть: без билета не пускали никого. И никому не было дела, что он — законный муж. В тот вечер половина фанаток в толпе зовущих Цун Ле кричали то же самое.

Дождь начался внезапно. Юнь Цзи стоял под широким козырьком стадиона, выкурил две сигареты на пару с перекупщиком и в итоге отвалил десятикратную цену за билет во внешнюю зону.

Поднялся шквал. С экрана на улице почти ничего не было видно. Он стоял, зажатый толпой беснующихся фанатов, среди криков и восторженного рева.

Но сейчас он помнил только одно: как ледяные струи стекали с чужих зонтов прямо ему за воротник, пробирая до самых костей.

Желудок разрывало от боли, но он изо всех сил держал спину ровно, пытаясь разглядеть на огромном экране полыхающие золотом буквы.

Шоу называлось «Для господина Си».

«Для господина Си».

Тогда он не придавал этому значения. Но теперь эти слова звучали как откровенное

издевательство над его глупой верой.

Не «Мистер Юнь». С — это Цун. Цун Ле устроил этот праздник для самого себя. А про годовщину он просто-напросто забыл.

Вспоминая, как мокрая курица, толкался в толпе, Юнь Цзи чувствовал, как к щекам приливает жгучий стыд. Он закрыл лицо рукой и бессильно прислонился к стене.

Подойдя ближе, Цун Ле сразу заметил неестественный, пылающий румянец на его щеках и мочках ушей.

— Эй, — окликнул он.

Юнь Цзи не шелохнулся.

— Ты чего? — Цун Ле слегка наклонился, равняясь с ним взглядом. — Если не идёшь, до сколько сидеть собрался?

— Уходи сам, я позже доберусь, — проговорил Юнь Цзи тихим, безжизненным голосом, в котором, однако, не слышалось ни капли сомнения.

— Почему лицо закрыл? — Цун Ле протянул руку к его запястью, но Юнь Цзи мгновенно уклонился.

Он поднял голову; белки его глаз были исчерчены красными прожилками:

— Уйди.

Заметив лихорадочный пятнистый румянец, Цун Ле на автомате коснулся его лба.

— Проваливай! — Юнь Цзи с силой отмахнулся, его голос сорвался на сиплый шепот.

— Ты... — Цун Ле сжал челюсти, в его глазах вспыхнул опасный огонь.

В студии мгновенно воцарилась гробовая тишина. Немногочисленные оставшиеся сотрудники сжались в углах, стараясь стать невидимыми. Все помнили скандал, когда Цун Ле отправил одного богатого сынка в реанимацию, из-за чего чуть не вылетел из индустрии. И хотя ходили слухи, что с этим «молодым спонсором» у них не просто рабочие отношения, кто знает, не достанется ли от задиристого артиста и ему?

Цун Ле за всю жизнь не поднял на него и пальца, но Юнь Цзи сейчас было плевать. Если этот

ублюдок посмеет распустить руки, он будет драться с ним насмерть.

Он смотрел на него снизу вверх воспаленными, полными ярости глазами.

Напряжение между ними накалилось до предела. Кулак Цун Ле сжался так, что на тыльной стороне ладони вздулись вены.

Внезапно он резко замахнулся.

Свидетели сцены невольно зажмурились.

— Совсем с ума сошел от своей болезни, мать твою?! — рявкнул Цун Ле, подхватил Юнь Цзи на руки и широкими шагами направился к выходу.

<http://bllate.org/book/20092/1990891>